

Он прекрасно выглядит. Немного похудел и постройнел. Стал чаще улыбаться той чудесной улыбкой, которая бывает только у таких вот серьезных, сосредоточенных людей.

Наверное, сказало и то, что наша беседа состоялась после концерта Паулса с его любимцами — детишками из ансамбля «Кукушечка» (дело было в посольстве Латвии). Ну а кто ж не растает, пообщавшись с детворой? Еще было видно: музыканту нравится в Москве, он соскучился по российской публике.

— Я надолго отошел от музыки, и только благодаря недавнему моему юбилею появилось какое-то второе дыхание. После январского концерта в Риге меня пригласили в Петербург, Киев, Москву... И я очень рад, что публика там, оказалось, прекрасно меня помнит, относится по-прежнему тепло, даже, может, лучше, чем раньше, — видно, из-за ностальгических чувств.

— Почему вы выступаете именно с Лаймой?

— Да потому, что все эти концерты — ее затея. Ведь, собственно, это не я ее, а она меня пригласила в свою программу.

— Вы довольны московскими выступлениями?

— Очень! Я даже вспомнил на сцене свои старые трюки, которые давно не выделял. Это все равно что после большого перерыва сесть за руль: думаешь, что разучился, и вдруг как будто само собой все начинает получаться.

— Под трюками вы подразумеваете виртуозные пианистические приемы?

— Ну конечно, у меня ведь была хорошая фортепианная школа. Я и сейчас могу сесть и с ходу сыграть «Рапсодию на тему Паганини» Рахманинова.

— Может, еще и сыграете на сцене?

— Ну, вряд ли. Я вообще не думаю, что буду продолжать активную концертную деятельность. Другое дело — где-нибудь так раз в год принять участие в каком-то специальном проекте. Например, Вуячич хочет собрать всех народных артистов Советского Союза (тех, кто откликнется) и устроить интернациональный концерт. Я бы с радостью согласился выступить. С уважением отношусь к этому званию, его носило немало достойных людей. Еще мне хочется съездить в Сибирь, выступить в одном из ее крупных городов. Заодно и посмотрел бы этот интересный край.

— Когда-то ваши песни внесли в советскую эстраду свежую струю: характерно паулсовское сочетание лиричности и изящества, простоты и безупречного вкуса. Изменились ли вы, ваша музыка за это время?

— Принципиально — нет. Я не стараюсь угнаться за модными течениями, не кидаясь вправо-влево. Мой стиль остался прежним — люблю сочинять и играть романтическую, сентиментальную, лири-

— Доски к забору прибиваю. Или что-нибудь мастерю — у меня большой сад. А если серьезно, 60 лет — не шутка, настроение всякое находит. Вспоминаешь, оцениваешь, переоцениваешь... Ведь 46 лет на сцене! С 13 лет я играл на танцах, в кабаках, черт знает где, пока в конце концов не добрался до лучших сцен бывшего Союза. Это очень тяжелый, часто неблагодарный

ко, однако мне было приятно.

— Почему же преувеличили? — Понимаете, тут надо смотреть правде в глаза. Не стоит особенно обольщаться: отношения и в культуре будут складываться непросто. Не из-за чьего-то там злого умысла — просто время сейчас такое. Пора бесплатных «декад» безвозвратно ушла, это уже умерло. Теперь всем правят деньги, за все надо платить. Искусство же — штука дорогая. Вот сейчас Марк Захаров со своим театром приехал в Ригу — я знаю, сколько это стоит: очень недешево. Ростропович сыграл концерт — то же самое...

Эстрада становится бизнесом, как и все остальное. Меня спрашивают: почему я в фестивале «Юрмала» теперь не принимаю участия. Ведь это же мое детище! Я отвечаю: когда в 1986 году я затеял фестиваль, все делалось на энтузиазме. Кроме Центрального телевидения, денег почти никто не дал — и тем не менее праздник состоялся. Молодые эстрадные певцы ехали чуть не с Дальнего Востока, потому что для них это была возможность показать себя. А попробуй теперь заплатить за такую дорогу!.. Вот почему нынче

эстраде. Засветились ли в новой Латвии новые звезды урива Лаймы Вайкуле, Ольги Пирагс, Мирдзы Зивере, Айн Кукуле, Родриго Фомина?..

— С этим дело плохо. Новое поколение вообще предпочитает петь по-английски. Так что скоро о национальной эстраде говорить придется только в прошедшем времени. Да и у вас, на мой взгляд, не все благополучно. Все-таки для меня никто не сравнится со звездами 70 — 80-х годов! Кто сегодня сияет ярче Пугачевой?..

— Ее супруг, например, очень популярен...

— Да, Киркорова я знаю, как не знать, он когда-то, когда еще был никем, умолял меня через Резника написать для него песню. Ничего из этой затеи не вышло, я был тогда занят, да и не люблю по заказу работать.

— Но ведь он, похоже, и в самом деле одарен?

— Не спорю. Но я поклонник другого стиля — без этого дыма на сцене, кричащей декоративности. Ради Бога, пусть Киркоров или Распутина работают так, как им это нравится, мое суждение субъективное, я никому не хочу давать советов.

— А как вам сегодня ваши «юрмальские» питомцы, лауреаты 80-х годов — Малинин, Куликов, Азиза, например?

— Они тоже изменились. Я их

Раймонд ПАУЛС:

И ТУТ ВЫХОЖУ Я В БЕЛОМ ФРАКЕ

ную музыку. Мне лучше всего удаются мелодии ностальгического плана. Но я склонен и к шутке, люблю на сцене с детьми забавляться, ведь выступление с ними — это обязательно какая-нибудь неожиданность, импровизация. Вообще мне нравится импровизировать, чувствовать себя на сцене свободно, раскованно. Часто бывает так, что только по дороге на концерт мы обговариваем план выступления, да и то в общих чертах. Конечно, ни о какой фонограмме речи не идет. Я люблю живой звук, это придает музыке настоящий тонус, который очень чувствует публика. Фонограмму признаю только на телевидении, где это технически необходимо, чтобы был качественный звук в эфире.

— Итак, вы лирик и веселый человек. А бывают моменты печали, депрессии? И что вы тогда делаете?

труд. Ну конечно, я не имею в виду выступления в таких прекрасных залах, как, скажем, «Россия», где очень велика отдача публики. Играть здесь — колоссальная радость.

— А какое место на земле для вас священо, куда хочется перенестись хотя бы мысленно в трудную минуту? Когда-то Спиваков на этот вопрос ответил: это Ленинград моего детства, Летний сад...

— Я ответил бы, может, не так возвышенно, но по сути сходно: это, конечно, дом, очаг. Я люблю его, свою семью. Люблю страну, где живу. Переживаю, что многое у нас идет не так, как надо...

Вот я проехался по Москве — и порадовался. Конечно, и у нас масса недостатков. Но сколько делается, сдвинулось наконец с мертвой точки! Выстроили, например, огромный Храм Христа Спасителя, и как раз в день, когда я приехал, на него установили кресты. Меня это очень взволновало. Я понимаю, строительство стоит бешеных денег, кто-то считает его ненужной роскошью. Но это будет для Москвы такой грандиозный символ! Россия начинает новый путь. Дай Бог, чтоб не свернула с него. У нас в Латвии люди очень болеют за то, что делается на Востоке.

— Видимо, и побаиваются: вдруг опять коммунисты к власти придут...

— Знаете, сегодняшние коммунисты — вероятно, не совсем то, что было раньше... Но, конечно, опасения есть: танки на улицах, «раскулачивание» — все ведь осталось в памяти. Многие у нас из-за этого вообще не хотят никаких отношений с Россией. Сейчас столько воздвигнуто искусственных барьеров между нашими странами. Но я верю, что это уйдет, уже уходит. По крайней мере в культуре никаких барьеров быть не должно. Неважно, русский ты или латыш, или кто-то еще — важно, какой ты артист, любит ли тебя публика.

— Мне кажется, от вас именно как от артиста зависит очень многое.

— Вы знаете, мне вчера об этом же сказали после вечернего концерта: вы, говорят, этим концертом сделали больше, чем все дипломаты, вместе взятые... Ну, может, и преувеличили немнож-

ко, однако совсем не те, кто талантливей, а те, у кого спонсор побогаче. Изменился сам дух фестиваля, и я уже не хочу больше на нем появляться.

— Вы, как и многие деятели культуры, вошли в политику на гребне перестройки. Но сегодня, когда романтические иллюзии тех лет поразвевались, большинство представителей творческих профессий у нас старается держаться от политики подальше. Вы же сохранили прежний запал. С поста министра культуры, правда, ушли, зато стали советником президента.

— Да, мне всегда нравилась какая-то общественная, организационная деятельность. Кроме «Юрмалы», я был инициатором детского фестиваля «Цыпленок». Каждое лето провожу фестиваль бытовой, застольной песни. В России, помоему, такого нет. У нас он набирает рекордное количество зрителей — до 60 тысяч; собственно, это даже не зрители, а участники, они в конце все объединяются и вместе поют, получают такой большой сельский праздник.

— В таком случае вопрос к вам как к общественному деятелю. Вас порадовало возрождение Храма Христа Спасителя, но ведь и в Риге есть большой православный собор — Христорождественский, и он тоже нуждается в реставрации. Не могли бы вы, с вашим авторитетом, повлиять на ход дела?

— Я в курсе, встречался с настоятелем. Будем делать потихоньку. У нас в Латвии, кроме этого собора, уйма зданий, нуждающихся в немедленном ремонте. А денег нет, вы, наверное, слышали, какой страшный кризис был летом, когда банки лопнули и половина населения Латвии разом лишилась своих сбережений. Я, кстати, тоже жертва... Но не об этом речь.

Я вообще, знаете, что своей главной заслугой на государственном поприще считаю? Что в бытность министром закрыл оперу. Иначе она рухнула бы — в самом прямом смысле — на головы зрителей и артистов. Сейчас здание наконец отреставрировано, и в нем начались представления.

— Вы, очевидно, пристально приглядываетесь к сегодняшней

понимаю, им надо приспособиваться к новой аудитории, к тем, кто сегодня приходит в залы. Отсюда это безумное увлечение техномюзиком, компьютерами, синтезаторами, в звучании которых живой человеческий голос тонет. Конечно, приятно побаловаться электроникой, от возможностей которой разбегаются глаза: ты, например, у себя дома можешь имитировать симфонический оркестр. Но все же это нечто искусственное, эрзац.

Правда, тут есть одно веское соображение — экономическое. Даже если ты мечтаешь о живом звуке, содержать оркестровый коллектив в несколько десятков человек почти никому не под силу. Для меня, например, это было бы равносильно полному финансовому краху.

Хотя признаюсь вам в такой заветной мечте — в последнее время очень хочется поучаствовать как раз в оркестровом проекте. Представьте, на сцене (такой, как «Россия», например) помещается симфонический или струнный оркестр человек в сто...

— И выходите вы в белом фраке!

— А почему нет? Приглашаем Пугачеву, Леонтьева, еще двух-трех солистов, которые бы спели, сыграли в интеллигентной, достойной манере — где-то на полном серьезе, где-то с улыбкой. Шпане этой, «кукушатам», даем выступить... Вот как на Западе — поют же Каррерас и Доминго в трио с Дайаной Росс; приглашает Паваротти в свои программы звезды эстрады... Публика на такие концерты идет очень охотно.

— Наверное, потребуется помощь спонсоров?

— Я боюсь, никто за это не возьмется. У нас иногда готовы платить чудовищную сумму какой-нибудь заезжей звезде, которая у себя дома уже погасла, а на своих артистов и копейки не дадут, хотя те могли бы куда лучше выступить. Но у них, видите ли, нет такого громкого имени.

— Ну в России-то громче, чем Паулс, немного найдется имен. А посему, думаю, в ваш юбилейный год за самым дорогим подарком дело не станет.

— Спасибо, но я этот подарок уже получил.

— Вот как? И что же он такое?

— Подарок судьбы — то, что я опять на сцене.

Вел беседу
Сергей БИРЮКОВ.
Фото ИТАР-ТАСС.